

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-45-57

А. И. Колганов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, РФ)

ТЕОРИЯ НООНОМИКИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА¹

Аннотация: в статье рассматриваются возможности теории ноономики как теоретического и методологического основания для проведения комплексных междисциплинарных исследований. Эти возможности создаются характером самой теории как междисциплинарной, основанной на взаимодействии решения исследовательских задач в разных областях, к тому же исследования в одной области составляют основу для исследований в других направлениях. Показывается целый ряд направлений такого рода исследований в технологической, экономической, аксиологической, культурной и других сферах, а также взаимозависимость выводов, которая формируется благодаря опоре на теорию ноономики. Это обеспечивает теории ноономики как серьезный прогностический потенциал по отношению к перспективам развития человеческой цивилизации, так и возможности выработки на полученной научной основе практических рекомендаций по преодолению тупиков и развилок угрожающего цивилизационного кризиса.

Ключевые слова: ноономика, междисциплинарные исследования, технология, знания, культура, экономика, творчество, солидаризм.

Для цитирования: Колганов А.И. (2023). Теория ноономики как междисциплинарная теоретическая платформа // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 1, С. 45–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-45-57

Andrey I. Kolganov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THEORY OF NOONOMY AS AN INTERDISCIPLINARY THEORETICAL PLATFORM

Abstract: the article examines the possibilities of the theory of noonomy as a theoretical and methodological basis for conducting complex interdisciplinary research. These opportunities are created by the nature of the theory itself, as interdisciplinary, based on the interaction of solving research problems in different fields, and research in one area forms the basis for research in other areas. It shows a number of directions of this kind of research in technological, economic, axiological, cultural, etc., spheres, as well as the interdependence of conclusions,

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на международном научном семинаре Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по теме «Генезис ноономики: Знания. Ментальные объекты. Креативность» (05.04.2023).

which is formed by relying on the theory of noonomy. This provides the theory of noonomy with both a serious prognostic potential in relation to the prospects for the development of human civilization, and the possibility of developing practical recommendations on the basis of the received scientific basis to overcome dead ends and forks of the threatening civilizational crisis.

Keywords: noonomy, interdisciplinary research, technology, knowledge, culture, economics, creativity, solidarity.

For citation: Колганов А.И. (2023). Theory of noonomy as an interdisciplinary theoretical platform. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 2, no. 1, pp. 45–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-45-57

科尔加诺夫 А. И.

莫斯科大学 (莫斯科, 俄罗斯)

智慧经济理论是跨学科的理论纲领

摘要: 文章研究了智慧经济学作为跨学科综合研究的理论基础和方法论基础的可行性问题。这种可行性源于该理论本身的跨学科特点。跨学科特点形成的基础是不同领域的研究课题的相互影响, 并且一个领域的研究成果可以作为另一个领域研究的基础。文章揭示了存在大量这类研究的一系列领域, 诸如经济学、价值论、文化及其它领域, 以及研究结论之间的基于智慧经济学理论的相互联系。这使智慧经济理论具备了对人类文明发展前景的重要预报以及在科学研究基础上给出实践导向的作用, 能够帮助人们克服人类文明发展面临的进入死胡同或错误岔路的危机。

关键词: 智慧经济学、跨学科研究、技术、知识、文化、经济、创造、团结主义。

引用注释: 科尔加诺夫 А. И. (2023). 智慧经济理论是跨学科的理论纲领//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选. vol. 2, no. 1, pp. 45–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-45-57

Введение

Теория ноономики относится к крайне редким в настоящее время теоретическим концепциям, которые, во-первых, носят исторический характер (то есть рассматривают развитие своего предмета в историческом времени, выявляя его специфику на различных исторических этапах). Она представляет собой приложение метода материалистического понимания истории к современной эпохе, позволяя увидеть формирующиеся цивилизационные развилки. Во-вторых, теория ноономики не только обладает прогностическим потенциалом, но и по своему содержанию нацелена на формирование глубоких прогнозов развития цивилизации. В-третьих, она носит междисциплинарный характер, начиная от исследования закономерностей технологического развития и содержания человеческой деятельности, через изучение социально-экономических отношений, определяемых этим развитием, эволюции форм собственности, человеческих потребностей, роли знаний и культуры, социальной структуры общества, роли и функций государства, вплоть до социально-философских и идеологических выводов. Именно эта последняя особен-

ность теории ноономики по преимуществу станет предметом специального внимания в данной статье.

Все три отмеченные здесь характерные черты теории ноономики позволяют определить ее также и как методологическое основание для проведения специализированных исследований в различных областях. Еще одна задача статьи – показать потенциал использования ноономики в этом качестве.

Материалы и методы

Теория ноономики опирается на исследование тенденций развития производительных сил общества, включая материальные условия производства и содержание человеческой деятельности. В этом состоит ее материалистический характер, если не забывать, что противопоставление материального и идеального абсолютно только в рамках основного вопроса философии. Поэтому материальное и нематериальное производства тесно переплетены и взаимно проникают друг в друга при сохраняющемся, однако, первостепенном значении именно материального производства. Как верно подметил Чен Энфу, «весь нематериальный труд в определенной степени предполагает преобразование материального и является деятельностью по созданию предметного мира» [Чен Энфу, Гао Сиян, 2021, с. 194].

Но в то же время те выводы, к которым приходит теория ноономики, сами обладают прогностическим потенциалом относительно перспектив развития производительных сил человека. Они позволяют уяснить объективные тенденции эволюции техники и технологий (как и возможности революционных скачков в их развитии) и одновременно дают ориентиры для сознательного выбора направлений развития – своего рода «социальный заказ» для совершенствования техники и технологий, для соответствующего воспитания человека.

Созданный человеком мир техносферы не только улучшил нашу жизнь, но и создал многочисленные риски и опасности, связанные со злоупотреблением или нерациональным использованием мощи современных технологий. Риски, связанные с разрушением природной среды обитания в результате хозяйственной деятельности человека, уже десятки лет являются предметом самого пристального внимания. Сравнительно недавно человечество встретилось с новыми технологическими угрозами, одной из которых стало использование искусственного интеллекта (ИИ).

Ряд специалистов бьет тревогу по этому поводу, вплоть до предложений вообще запретить использование ИИ. Как и любая технология, ИИ, если его используют с нарушением определенных норм, может таить опасность. Таким образом, опасность лежит не в самих технологиях ИИ, а в их неверном использовании. Но риски заключены вовсе не в «бунте машин», а совсем в другом. Самостоятельность ИИ крайне преувеличена и со стороны специалистов выступает как гипертрофированная реакция на не сформированные еще правила и нормы применения ИИ.

Какие же риски действительно связаны с использованием ИИ?

Риск несет передача самообучающимся ботам функции принятия решений. Например, уже сейчас ботам передаются функции по принятию решений о выдаче клиентам банков кредитов или об отказе в кредите. Однако такие риски реализуются лишь в том случае, если разработчики намеренно исключили прозрачность процедур и алгоритмов, на основе которых такие решения принимаются, и не предусмотрели процедуры апелляции в случае

ошибок. Опасность многократно возрастает, если ботам передается принятие решений, могущих иметь необратимые последствия. Но в некоторых случаях это скорее благо – скажем, при обеспечении автоматизированного контроля за технологическими процессами, где человек не в состоянии оперативно уследить за происходящим.

Современные боты способны обеспечивать поиск, подбор, классификацию и обработку информации, вплоть до формирования первичных выводов на этой основе. Эти функции также могут нести опасность, если алгоритм бота является «черным ящиком». Какую информацию бот принимает во внимание, а какую отсеивает? Процедуры самообучения не дают гарантии от ошибок, а лишь снижают их вероятность, в зависимости от квалификации специалистов, корректирующих процесс самообучения бота. В том же, что касается передачи ботам функции выводов на основе собираемой им информации, то работа по принципу «черного ящика» здесь наиболее опасна. В таком случае нет гарантий против подмены анализа информации всего лишь «правильным» подбором ботом готовых выводов, уже содержащихся в собираемой информации, на основе заданных в нем правил самообучения. Нашумевший случай с подготовкой выпускной квалификационной работы с помощью бота ChatGPT, видимо, как раз из этого ряда.

В наиболее общем виде опасность ботов с ИИ состоит в искушении отказа человека от творческой переработки информации, полагаясь лишь на передаваемую боту функцию ее подбора и систематизации. Вероятно, боту под силу улавливать простейшие зависимости между собираемыми фактами – например, через построение корреляционной модели. Но он не может не только самостоятельно задать исходные предпосылки для такой модели, но и интерпретировать полученные результаты. ИИ не под силу использование процедур нечеткой логики, как и логики противоречий (диалектики) – эти интеллектуальные технологии осваиваются далеко не каждым человеком, поскольку они не алгоритмизируемы.

Поэтому чрезмерное упование на мощь ИИ аналогично отказу от самостоятельной ходьбы в пользу передвижения в инвалидном кресле – своеобразная добровольная «интеллектуальная гиподинамия». При таком неправильном использовании ИИ будут сужаться наши способности к познанию, вместо того чтобы расширять их. Именно в этом состоит действительная опасность, но она заключена в нас самих, а не в технологии ИИ. Следовательно, и ответ на риски и угрозы надо искать прежде всего в правильной настройке наших интересов и потребностей. Именно в этом направлении поиска ответов на технологические вызовы ориентирует нас теория ноономики. Подобно тому как угрозы нарушения природной среды из-за безудержного поглощения природных ресурсов в погоне за экономическими (рыночными) результатами могут быть купированы, с позиций теории ноономики, лишь перенастройкой наших потребностей и отказом от нацеленности прежде всего на экономические результаты в интересах извлечения прибыли, так и риски использования ИИ требуют задуматься, для чего и в каких интересах мы его используем.

Теория ноономики позволяет правильно сориентироваться не только в технологических трендах и связанных с ними угрозах, но и в происходящих под влиянием технологического развития изменениях в экономической системе общества. Эти изменения связаны, в первую очередь, с нарастающими противоречиями в современной модели капиталистического хозяйства, что наиболее выпукло проявляется в роли финансового капитала. Финансовый капитал давно перестал быть всего лишь одной из обособившихся функциональных

форм капитала, он стал в определенном смысле самодовлеющим фактором, оказывающим огромное и зачастую дестабилизирующее влияние на всю капиталистическую экономику. Нацеленность на финансовые результаты, не связанные с реальным производством, влечет за собой далеко не безобидные последствия: оттягивание инвестиций и ресурсов квалифицированного труда из реального сектора в финансовый; формирование искаженных экономических сигналов для принятия решений в реальном секторе; размывание любых и всяких критериев принятия хозяйственных решений в угоду погоне за финансовым успехом. «...Растущая финансиализация способствует ускоренному движению цивилизации к глобальному кризису», – делает вывод С. Бодрунов с соавторами [Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022, с. 166]. Выход в краткосрочном плане может быть найден: в изменении приоритетов принятия решений в пользу достижения результатов реального производства и удовлетворения реальных потребностей; в установлении контроля над финансовым сектором для превращения его в механизм, обслуживающий производство, а не играющий самодовлеющей роли. Но не стоит забывать, что современный финансовый капитал есть объективный продукт естественноисторической эволюции капиталистической экономики. Поэтому в долгосрочном плане окончательное решение лежит в плоскости ухода производственной деятельности от подчинения ее экономическим критериям вообще.

Эта тенденция, подмеченная и сформулированная в теории ноономики: тенденция освобождения производственной деятельности от подчинения ее экономическим целям, – проявляет себя и в эволюции отношений собственности. Такое явление, как владение и пользование без полного комплекса прав собственности, пробивает себе дорогу и воплощается в шеринговой экономике, удельный вес которой растет. В самом деле, зачем нужно обременять себя собственностью, если можно удовлетворять свои потребности и без этого обременения? Джереми Рифкин уже довольно давно подметил зарождение этой тенденции в своей книге «The Age of Access» [Rifkin, 2000]. Наряду с этим автор работы бьет тревогу по поводу коммерциализации всех и всяческих проявлений жизни человека – да, люди и компании освобождаются от собственности, но при этом за каждый шаг, за каждую жизненную функцию надо платить.

Одновременно и уже довольно давно пробивают себе дорогу и другие тенденции: к размыванию пучка прав собственности (диффузия собственности), к переходу от индивидуальных и узкогрупповых к коллективным формам собственности. Наконец, в сфере интеллектуальных продуктов сформировался довольно широкий сегмент свободного доступа, что уже не первое десятилетие вызывает дебаты о балансе между свободным доступом и защитой прав интеллектуальной собственности [Lindberg, 2008; Vetter, 2009].

Меняется с изменением облика современного производства и роль рыночных отношений. Стихия свободной конкуренции и поддерживаемый ею дух предпринимательства, которые позволили на протяжении XIX и XX веков обеспечить колоссальный прогресс производительных сил, уже не справляются с созданными ими силами. Не только комплекс глобальных проблем (экологический кризис, милитаризм и оружие массового уничтожения, моральная деградация и т.д.), но и сами интересы функционирования капиталистической экономики – чем дальше, тем больше – требуют коррекции рыночных отношений нерыночными механизмами, среди которых заметное место занимает планирование. Тенденция к использованию планирования в рыночной экономике развивается уже более двух столетий, и особенно значительный опыт в этой области накоплен за вторую половину

XX века в Европе [Rosser J., Rosser M., 2004; Estrin, 1983], Японии [Moriguchi, 1980; Хлынов, 1997], а также и в новых индустриальных странах [Kuznets, 1990; Balassa, 1990].

Еще одна важная тенденция, лежащая на стыке технологических трендов и экономических отношений, – развитие так называемых технологий доверия. Чем выше уровень доверия в сфере производства, тем ниже транзакционные издержки, связанные с защитой от оппортунистического поведения контрагентов. В перспективе возрастание уровня доверия и закрепление его в виде устойчивой традиции позволяют вообще избавиться от такого рода транзакционных издержек. Разумеется, одних только технологий (вроде блокчейна) для этого недостаточно – необходимо еще и ослабление тех эгоистических мотивов, создаваемых рыночной экономикой, которые провоцируют оппортунистическое поведение.

Вместе с эволюцией технологий, изменением содержания труда и характера экономических отношений эволюционирует и социальная структура общества. Изменяются не только состав и удельный вес общественных классов и социальных групп, но меняются и критерии социально-классового деления. Вместе с возрастанием роли знаний в процессе производства и ростом удельного веса творческих функций в деятельности человека усиливается значение факторов образования и квалификации как принципов социальной стратификации. Однако при этом прежние линии раздела, связанные с владением собственностью, накоплением капитала и уровнем дохода, сохраняют свое значение – наличие сотен миллионов практически обездоленного населения не позволяет забыть об актуальности этого деления. Тем насущнее является вопрос о преодолении подобных линий раскола человеческого общества, так как без этого невозможно будет открыть путь развития для каждого человека, и старые классовые конфликты будут тянуть человечество назад. Разумеется, интеллектуализация труда и постепенное вытеснение человека из непосредственного процесса производства в целом по-иному поставят вопрос взаимодействия между обществом и сферой производства. Но для этого надо сначала преодолеть проблему бедности и отсталости.

Развитие современных технологий внушает опасения за судьбу не только природной среды обитания, но и за природу самого человека. Различные формы вмешательства в человеческую природу (генная инженерия, гендерная коррекция, киборгизация и т.д.) диктуются, в конечном счете, индивидуалистическими эгоистическими побуждениями – как среди тех, кто бездумно готов пойти на такое вмешательство, так и среди тех, кто превращает это в бизнес. Не менее опасным, чем вмешательство в естественную природу человека, становится воздействие на его социальную природу. Здесь и технологии политического и идеологического манипулирования, и манипулирование человеческими потребностями, и насаждение фальшивых, симулятивных потребностей – от ориентации на бездумное наращивание объема потребления до одурманивания людей иллюзией достижения «личностного роста» без всяких собственных усилий и массового распространения разного рода сект, основанных на изоощренном психологическом давлении.

Теория ноономики подчеркивает, что в настоящее время гражданское общество находится на одной из важнейших развилок в своем развитии – и от того, какой путь мы выберем на этой развилке, зависит судьба человеческой цивилизации.

Постоянное усложнение технологий, которые не могут не только разрабатываться без опоры на глубокие фундаментальные и прикладные исследования, но и применяться без высокого уровня квалификации персонала, определяет возрастание роли знаний в материальном производстве. Иногда этот тезис абсолютизируют, доводя до абсурда (чем грешили

некоторые сторонники концепций «постиндустриального общества») и выдвигая тезис о том, что знания оттесняют на задний план материальные факторы производства и чуть ли не заменяют их. Однако современные знаниеемкие технологии не могут существовать без тех материальных средств производства, в которых имплементированы человеческие знания.

Этот последний факт находит свое наглядное подтверждение того, что эффективность производства и уровень производительности труда при примерно равном качестве рабочей силы в решающей степени зависят от капиталовооруженности производства. Российская экономика в эту проблему упирается, можно сказать, лбом. Низкий уровень капиталовооруженности и низкие темпы технологического обновления производства приводят к тому, что имеющийся неплохой интеллектуальный потенциал и творческие способности занятых не в состоянии компенсировать отставание в сфере материальных факторов производства. Экономика России нуждается в массовой замене устаревающего и неконкурентоспособного оборудования. При этом необходимо по меньшей мере в три-четыре раза поднять капиталовооруженность труда в российской промышленности¹, поскольку это ведет к значительному разрыву в производительности труда при сравнении с экономиками развитых стран [Зайцев, 2016, с. 84–86]. При этом имплементация знаний в средствах производства в России катастрофически отстает от ее состояния в странах Запада: вложения в средства производства опережают у нас инвестиции в научные исследования и разработки в 28,6 раза, а в развитых странах – не более чем в 6 раз. В результате доля промышленной добавленной стоимости в ВВП России более чем в два раза отстает от ее величины в США, Германии и Франции, а доля высокотехнологичного экспорта в ВВП – в 7–12 раз [Гасанов, 2014]. При этом в российском машиностроении на один станок приходится 4,7 работника, а в странах Евросоюза – 0,8, а производительность труда в шесть раз ниже, чем в ЕС².

Однако теория ноономики не сводит прогресс человеческой деятельности только к технологическим знаниям, как освоенным человеком, так и имплементированным в средства производства. Вместе с изменениями технологий, содержания человеческой деятельности и основанными на этом ростом производительности труда и расширении возможностей удовлетворения человеческих потребностей – встает вопрос о рациональных критериях потребления. Масштабы производственной деятельности человека стали таковы, что, как это уже было отмечено выше, влекут за собой истощение ресурсов нашей планеты и прогрессирующее разрушение среды обитания. Поэтому беспредельное наращивание потребления становится губительным для самого существования человечества, тем более, если гонка потребления подстегивается манипулированием потребителем ради расширения сбыта за счет формирования иллюзорных, симулятивных потребностей.

Но как положить предел этой гонке? Введение внешних, принудительных ограничений, как показывает исторический опыт, не принесет успеха. Значит, эти ограничения должны быть внутренними, выступать как разумные самоограничения. Что же может подвинуть

¹ Цифровизация и IoT позволят машиностроению сделать рывок (2018). Корпоративные информационные системы, Промышленная автоматизация, Новости TOP. 20.08.18. URL: <https://www.connect-wit.ru/j-son-partners-consulting-ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii.html> (дата обращения: 20.01.2022).

² Экономические эффекты от цифровизации и внедрения IoT в машиностроении в России. (2018): Аналитический отчет / J'son & Partners Consulting. 17 Августа 2018. URL: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii-20180817013305 (дата обращения: 03.01.2021).

человека на добровольное изменение структуры и объема своих потребностей? Один из таких факторов – знания. Человек, не только обладающий знаниями, но и рассматривающий познание как ценность, необходимую в его повседневной деятельности, иначе организует свое потребление. Оно перестает выступать для него как цель и смысл существования. Этот сдвиг в сознании человека, в свою очередь, зависит от усвоенных им культурных норм и ценностей.

Потребности и структура потребления человека, занятого творческой деятельностью, меняются. Объем потребления, гонка за удовлетворением все более изощренных потребностей, навязываемых рынком, перестают быть для него самоцелью. Напротив, потребление выступает как средство обеспечения условий для творческой деятельности.

Возрастание роли и значения творческой деятельности в современной экономике привели к формированию концепции «креативного класса». Однако фокус внимания социологов, занятых этой тематикой, зачастую оказался смещен явно не в ту сторону. Известные исследования Ричарда Флориды предлагают весьма расплывчатые и далекие от сути исследуемого феномена критерии принадлежности к креативному классу: образ жизни, увлечения и прочие поверхностные поведенческие атрибуты [Florida, 2002; 2005].

У Флориды и у многих его последователей креативный класс наполняется по преимуществу представителями профессий, обслуживающих в первую очередь интересы спекулятивного финансового капитала, обеспечивающих производство симулятивных благ и манипулирование общественным сознанием. Это отметил даже его учитель – Питер Маркузе [Marcuse, 2003, p. 40–41; Peck, 2005].

Такое использование потенциала творческого труда – зачастую не для целей развития, а для продвижения на рынок иллюзорных благ, симулякров, предназначенных лишь для извлечения денег из карманов потребителей, – представляет собой действительную проблему для современной экономики. Если значительная часть творческого потенциала расходуется на такую деятельность, которая мало что вносит в развитие реального производства и удовлетворения рациональных потребностей, а иногда и наносит человеку ущерб, то это означает фактический вычет из наших реальных производственных возможностей и растрату человеческого потенциала. Стоит ли нам с гордостью смотреть на достижения в области обеспечения спекулятивных операций на финансовом рынке [Бузгалин, Колганов, 2019, с. 21-23]?

Избавиться от такой нерациональной ориентации человеческого потенциала можно лишь путем отказа от подчинения творческой деятельности критериям экономической рациональности. Только на такой основе может произойти превращение «человека экономического» в «человека творческого». А это, в свою очередь, требует перехода от экономики к ноономике [Бодрунов, 2018, с. 249–250].

Результаты и обсуждение

Таким образом, как можно резюмировать решение проблемы рационального использования достижений новой технологической волны, да и любых новых технологий, которые уже появились или которым суждено появиться в будущем (включая и технологии ИИ, на которых автор статьи остановился наиболее подробно)? Теория ноономики видит выход в том, чтобы отказаться от экономической рациональности при разрешении проблем развития производства и потребления. Новая рациональность, обеспечивающая, в отличие от

наращивания финансовых результатов, решение реальных проблем жизни и развития человека, требует новых критериев.

Эти критерии не берутся необдуманно, не навязываются обществу произвольно и не представляют собой некоторую моральную проповедь в стиле «за все хорошее, против всего плохого». Теория ноономики обращает внимание на объективно возросшую роль познания и знаний в процессе производства, на тенденцию превращения «человека в производстве» в «человека знающего». И эти знания дают возможность сформироваться новой рациональности, то есть рациональности, основанной на знаниях, на понимании желаемых результатов и последствий принимаемых решений в области производства и потребления. Но собственно знания еще недостаточно для утверждения новой рациональности, поскольку человеческий разум может использовать свои способности к осмыслению действительности не обязательно во благо. А ориентация именно на благие помыслы и результаты достигается посредством сдвига от экономических интересов к культурным ценностям. Именно уровень культуры становится определяющим для того, чтобы сила знания, сочетаясь с культурными императивами, образовала искомую новую рациональность, а «человек экономический» сменился «человеком знающим» и «человеком культурным».

Тем самым будет происходить переход от экономического общества к постэкономическому, где место экономики займет ноономика («сфера разумного порядка», если перевести этот термин с греческого). По определению С.Д. Бодрунова, «...ноономика – это способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть “свет разума”; где нет отношения к производству и производственным отношениям; где нет отношения к собственности и отношений собственности; где нет экономики и невозможна экономика» [Бодрунов, 2019, с. 16].

Вместе с таким переходом меняется и структура общества. Возрастание роли знаний в материальном производстве развивается вместе с постепенным выходом человека за пределы непосредственного участия в производственном процессе. Тем самым человеческое общество отделяется от сферы производства (как и от техносферы вообще, становящейся сферой автономных технетических существ), а общественные отношения по преимуществу перестают быть производственными отношениями. Общество и производство становятся относительно обособленными сферами цивилизационного бытия, однако человеческое общество сохраняет функции контроля и направления развития производства. «На нооэтапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам остается подчиненным обществу», – подчеркивается в книге «Ноономика» [Бодрунов, 2018, с. 180].

Этому развитию соответствует и культурная эволюция. Меняются нравственные императивы и идеологическая оболочка, в которую они заключены. Поскольку претерпевает изменение структура человеческих потребностей и отходит на задний план погоня за накоплением вещественного богатства, на первый план выступают цели развития человека, связанные с ростом значения творческой деятельности. Это, в свою очередь, обуславливает формирование новых идейных установок. На смену «войне всех против всех», основанной на схватке за ресурсы, обеспечивающие наращивание потребления, приходит идеология сотрудничества и солидарности в совместной борьбе за решение конкретных задач по обеспечению достойного существования и развития человека. Идеология солидаризма, которая некогда выступала как благопожелание или даже лицемерное прикрытие социально-классовой розни, обретает тем самым объективную основу для своего распространения и закрепления.

Происходит превращение человека прежде всего в творческую личность, а не «человеческий капитал», не в объект инвестиций в себя ради извлечения из себя повышенного дохода. «Креативный класс», сегодня по большей части ориентированный на то, чтобы служить интересам финансовых воротил – и непосредственно в сфере финансового рынка, и в сфере бюрократического управления, и в сфере манипулирования рынком и потребностями людей, и в сфере идеологического манипулирования, – станет в полной мере классом творческих личностей, служащих реальному делу и общему благу.

Выводы

Здесь был дан лишь беглый очерк тех направлений исследования, в которых имеется возможность опереться на междисциплинарный потенциал теории ноономики. Но даже это краткое описание показывает огромные возможности, которые открывает ноономика как сложная, комплексная теория, включающая в себя взаимодействие и переплетение различных уровней и предметов исследования, так что исследование одного предмета создает основу для понимания закономерностей другого. Будучи строго материалистической теорией, ноономика в то же время показывает связь между развитием материальных условий жизни человека и развитием его духовной жизни, которая, в свою очередь, оказывает огромное воздействие на сугубо материальные процессы. Ноономика вскрывает реальные противоречия и угрожающие существованию человеческой цивилизации тупики и в поиске путей выхода из этих противоречий не ограничивается призывами и благопожеланиями, а вскрывает возможности движения вперед, к лучшему будущему, в объективных тенденциях настоящего. Наряду с этим она открывает горизонты будущего, формируя комплексный прогноз развития человеческой цивилизации.

Список литературы

- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2019). Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. № 4 (62). С. 6–18.
- Бодрунов С.Д. (2022). Формирование и разрешение цивилизационного кризиса: ноономика // По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономика / С. Бодрунов, Р. Десаи, А. Фриман. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. С. 19–168.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. №1. С. 18–28.
- Гасанов М.А. (2014). Институциональные ловушки экономики благополучия в России и перспективы новой индустриализации // Современные проблемы науки и образования. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14611> (дата обращения: 03.01.2021).
- Зайцев А. (2016). Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. № 9.
- Хлынов В. (1997). Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии // Проблемы теории и практики управления. № 2.

- Цифровизация и IoT позволят машиностроению сделать рывок (2018) // Connect: Корпоративные информационные системы: Промышленная автоматизация: Новости TOP. 20.08.2018. URL: <https://www.connect-wit.ru/j-son-partners-consulting-ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii.html> (дата обращения: 20.01.2022).
- Экономические эффекты от цифровизации и внедрения IoT в машиностроении в России (2018): Аналитический отчет / J'son & Partners Consulting. 17 Августа 2018. URL: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii-20180817013305 (дата обращения: 03.01.2021).
- Чен Энфу, Гао Сиян (2021). Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. С. 178–203.
- Balassa B. (1990). Indicative planning in developing countries // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4. P. 560–574.
- Estrin S. (1983). *French Planning in Theory and Practice*. London; Boston: George Allen & Unwin. VIII, 215 p.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Florida R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. New York: Harper Business, HarperCollins.
- Kuznets P. (1990). Indicative planning in Korea // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4. P. 657–676.
- Lindberg V. (2008). *Intellectual Property and Open Source: A Practical Guide to Protecting Code*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, Inc. 386 p.
- Marcuse, P. (2003) Review of *The rise of the creative class* by Richard Florida. *Urban Land*, vol. 62, No. 8, pp. 40–41.
- Moriguchi Ch. (1980). Japan's Recent Experiences of Quantitative Economic Planning. *Revue économique*. Vol. 31, no. 5 (Le VIIIème plan). P. 853–856.
- Peck J. (2005). Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. Volume 29, Issue 4, pp. 740–770.
- Rifkin J. (2000). *The Age of Access: the New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience*. New York: Jeremy P. Tarcher/Putnam. 344 p.
- Rosser J.B., Rosser M.V. (2004). Whither indicative planning, the case of France // *Comparative Economics in a Transforming World Economy* / J.B. Rosser, M.V. Rosser. Massachusetts: The MIT Press. P. 179–201.
- Vetter G.R. (2009). Commercial Free and Open Source Software: Knowledge Production, Hybrid Appropriability, and Patents // *Fordham Law Review*. Vol. 77. P. 2087–2141.

References

- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2019). Noonomy: ontological theses. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia]. No. 4 (62), pp. 6–18. (In Russ.).
- Bodrunov S. (2022). Formation and Resolution of the Civilizational Crisis: Noonomy. *Beyond the*

- Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy*, authors S. Bodrunov, R. Desai, A. Freeman. Saint Petersburg, INID Publ., pp. 19-168. (In Russ.).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019). Transformations of the social structure of late capitalism: from the proletariat and the bourgeoisie to the proletariat and the creative class? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1. Pp. 18–28.
- Gasanov M.A. (2014). Institutional traps of the welfare economy in Russia and prospects for new industrialization. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14611> (Accessed: January 3rd, 2021). (In Russ.).
- Zaitsev A. (2016). Cross-country differences in labor productivity: the role of capital, the level of technology and natural rent. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. No. 9 (In Russ.).
- Khlynov V. (1997). National planning of a market economy: the experience of Japan. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [International Journal of Management Theory and Practice]. No. 2. (In Russ.).
- Digitalization and IoT will allow mechanical engineering to make a breakthrough (2018). *Connect: Korporativnye informacionnye sistemy, Promyshlennaya avtomatizatsiya, Novosti TOP* [Connect, Corporate Information Systems, Industrial Automation, TOP News]. August 20, 2018. URL: <https://www.connect-wit.ru/j-son-partners-consulting-ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii.html> (Accessed: January 20th, 2022). (In Russ.).
- Enfu Cheng, Xiang Gao (2021). Intellectual economy as a form of noonomy and its socio-economic consequences. *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyutsiya i ee ekonomicheskie, sotsial'nye i gumanitarnye posledstviya*, under the general editorship of S.D. Bodrunov. Saint Petersburg, INID Publ., pp. 178-203. (In Russ.).
- Economic effects of digitalization and the introduction of IoT in mechanical engineering in Russia* (2018). Analytical Report, by J'son & Partners Consulting, August 17, 2018. URL: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii-20180817013305 (Accessed: January 3rd, 2021), (In Russ.).
- Balassa B. (1990). Indicative planning in developing countries. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4, pp. 560-574.
- Estrin S. (1983). *French Planning in Theory and Practice*. London; Boston, George Allen & Unwin, viii, 215 p.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Florida R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. New York: Harper Business, HarperCollins.
- Kuznets P. (1990). Indicative planning in Korea // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4. P. 657–676.
- Lindberg V. (2008). *Intellectual Property and Open Source: A Practical Guide to Protecting Code*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, Inc. 386 p.
- Marcuse, P. (2003) Review of *The rise of the creative class* by Richard Florida. *Urban Land*, vol. 62, No. 8, pp. 40–41.
- Moriguchi Ch. (1980). Japan's Recent Experiences of Quantitative Economic Planning. *Revue économique*. Vol. 31, no. 5 (Le VIIIème plan). P. 853–856.

- Peck J. (2005). Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. Volume 29, Issue 4, pp. 740-770.
- Rifkin J. (2000). *The Age of access: The New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience*. New York, Jeremy P. Tarcher/Putnam. 344 p.
- Rosser J.B., Rosser M.V. (2004). Whither indicative planning, the case of France. *Comparative Economics in a Transforming World Economy*, authors J.B. Rosser, M.V. Rosser. Massachusetts, The MIT Press, pp. 179-201.
- Vetter G.R. (2009). Commercial Free and Open Source Software: Knowledge Production, Hybrid Appropriability, and Patents. *Fordham Law Review*. Vol. 77, pp. 2087-2141.

Информация об авторе

Колганов Андрей Иванович

Заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ИЭ РАН, доктор экономических наук, профессор (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46)

E-mail: onaglo@mail.ru

Information about the author

Andrey I. Kolganov

Dr. of Sc. (Econ), Chief of the Laboratory of Comparative Study of Socio-Economic Systems, Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Head Researcher, Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (Leninskiye Gory, house 1, building 46, Moscow, 119991, Russia)

E-mail: onaglo@mail.ru